

Хотя в помещении царила тишина, она была напряжённой, словно натянутая тетива лука.

Великая вдовствующая императрица молчала с мрачным лицом, в душе пылая гневом, но сдерживала себя, не давая ему вырваться наружу.

Она, обутая в туфли, естественно, не решалась на прямую конфронтацию с босым тираном.

В её понимании, тиран сейчас ничего не имел, а значит, ему нечего было бояться. Если она сейчас доведёт его до бешенства, он может внезапно наброситься и переломить ей шею...

Тиран ничего не терял, а она не могла позволить себе такой риск.

Цзин Шо вытащил шёлковый платок и вытер руку, которой только что задушил Чжилань. Его голос был спокоен и терпелив:

— Бабушка, вы всё поняли?

Веки Великой вдовствующей императрицы судорожно дёрнулись. Она сдерживалась изо всех сил, но за всю жизнь ещё ни перед кем не чувствовала себя так униженно. В конце концов, она не смогла сдержать свой гнев и с усмешкой произнесла:

— Хорошо, очень хорошо. Оказывается, в нашей императорской семье тоже завёлся влюблённый безумец. Наложница Юнь действительно счастливица!

Последние слова она произнесла сквозь стиснутые зубы.

Дуань Юньшэня внезапно назвали, и он взглянул на Великую вдовствующую императрицу, затем на Цзин Шо, и с удивлением подумал — а ведь, возможно, ему и вправду повезло? Этот тиран... хм, обращается с ним, кажется, довольно неплохо?

Великая вдовствующая императрица, увидев выражение лица Дуань Юньшэня, позеленела ещё сильнее.

Цзин Шо:

— Если у бабушки больше нет дел, то, пожалуйста, возвращайтесь. Уже поздно.

Эти слова словно успокоительную пилюлю дали всем прочим слугам в комнате.

Это как минимум означало, что тиран не собирается продолжать бесчинствовать.

Услышав это, главный евнух Великой вдовствующей императрицы поспешил подойти, чтобы помочь ей подняться и отправиться обратно во дворец, опасаясь, что безумный император в любой момент может изменить своё решение и снова начать убивать.

Но Великая вдовствующая императрица не приняла его помощи, отмахнулась от подошедшего евнуха и с гневом сказала:

— Сегодняшнее дело я запомню!

Цзин Шо:

— Бабушка, счастливого пути.

Великая вдовствующая императрица поднялась, и главный евнух поспешил поддержать её.

Стражи, не получив приказа от Великой вдовствующей императрицы, естественно, не предприняли никаких действий, нерешительно убрав свои мечи.

Великая вдовствующая императрица всё же дорожила своей репутацией и ценила жизнь.

Она поднялась и сразу же покинула это место, не приказав стражам атаковать тирана после того, как вышла из-под его контроля.

Цзин Шо только что пощадил её, и если бы она сразу же приказала схватить его, это выглядело бы слишком мелко.

Однако, сидя в паланкине, она всё ещё чувствовала, что грудь её сдавлена, и гнев застрял в сердце, не находя выхода.

Это дело на этом не закончится.

Человек, не имеющий ни капли реальной власти, пусть даже жестокий и безрассудный, — всё же лишь загнанный зверь.

Великая вдовствующая императрица вспомнила только что произошедшую сцену и вдруг спросила:

— Тот, кто сегодня толкал коляску Шо, выглядел знакомым?

Евнух, шедший рядом с паланкином, немного подумал, прежде чем вспомнить, о ком идёт речь.

Это был Фан Ю.

Евнух:

— Если я не ошибаюсь, это приближённый командира Сяна.

Великая вдовствующая императрица нахмурилась:

— Сян Июэ?

Сян Июэ на поверхности всё ещё был человеком Великой вдовствующей императрицы.

Сейчас она начала сомневаться, размышляя о том, как Цзин Шо смог нарушить приказ о заточении и покинуть дворец. Где же была ошибка?

Была ли проблема в самом Сян Июэ, командире охраны, или в ком-то из его приближённых?

Подумав некоторое время, она почувствовала усталость и, придерживая лоб, спросила евнуха:

— Чуньюй и Чжилань...

Евнух сразу же ответил:

— Тела обеих девушек уже вывезены. Их обязательно похоронят с почестями, а их семьи получают компенсацию. Ваше величество, не беспокойтесь.

Великая вдовствующая императрица кивнула, закрыла глаза и спокойно сказала:

— Лекарство для императора с завтрашнего дня прекратите давать.

Евнух:

— На сколько времени остановить?

Лекарство, которым Великая вдовствующая императрица контролировала Цзин Шо, вызывало привыкание. Как только приём прекращался, Цзин Шо испытывал невыносимые муки.

Великая вдовствующая императрица равнодушно сказала:

— После сегодняшнего поведения Шо, как ты думаешь, на сколько времени следует остановить?

Евнух:

— Это... Ваше величество, вы ставите меня в затруднительное положение. Откуда мне знать?

Великая вдовствующая императрица усмехнулась:

— Когда Шо согласится собственными руками задушить эту демоническую наложницу в обмен на лекарство, тогда и возобновим его подачу.

Цзин Шо был необходимой марионеткой, его нельзя было убить.

Сейчас он не имел ни капли реальной власти, и отнять у него было нечего.

Раз уж он любит быть влюблённым безумцем?

Тогда нужно научить его, что в императорской семье быть влюблённым безумцем не так-то просто, и не каждый имеет на это право!

Великая вдовствующая императрица хотела, чтобы её внук стоял на коленях и умолял её снова дать ему лекарство!

Когда Великая вдовствующая императрица удалилась, за ней последовала толпа евнухов и служанок, которые раньше помогали ей творить зло. Они боялись, что она оставит их, и бежали за ней так быстро, как только могли.

Цзин Шо не стал их останавливать. Этих людей можно было разобрать позже, не нужно было спешить оставлять их в живых перед Дуань Юньшэнем.

Фан Ю, наблюдая за ситуацией в комнате, решил, что его помощь больше не требуется, и попрощался, готовясь уйти. Однако перед тем как уйти, Цзин Шо сказал ему несколько слов, вкратце объяснив, как Сян Июэ должен поступить в этой ситуации.

Фан Ю сегодня точно станет козлом отпущения.

Если он хотел, чтобы Великая вдовствующая императрица считала Сян Июэ своим человеком и не сомневалась в нём, то Сян Июэ должен был действовать решительно. Прежде чем Великая вдовствующая императрица начнёт проверять, он должен был сам разобраться с Фан Ю, чтобы доказать свою преданность.

Только так Великая вдовствующая императрица могла бы поверить, что Фан Ю сам перешёл на сторону Цзин Шо, а Сян Июэ был невиновен и не знал об этом.

Фан Ю всегда был сообразительным, и даже если бы Цзин Шо не напомнил ему об этом, он бы сам понял, как поступить.

Цзин Шо:

— Пусть Сян Июэ найдёт козла отпущения вместо тебя. Ты больше не можешь оставаться в столице. Отправляйся в резиденцию генерала к Хэ Цзюэ. Если захочешь, пусть он устроит тебя на службу в армии. Если не захочешь, можешь взять у него немного золота и серебра.

Фан Ю поблагодарил и вышел.

Для него это не обязательно было плохим событием. Служба в охране дворца, под боком у императора, была полна интриг, да и правил было много. С его умом, в армии, на поле боя, он был бы свободнее и мог бы добиться большего.

Однако Фан Ю беспокоился за Сян Июэ.

Сян Июэ искренне относился к нему, как к родному брату, и он, естественно, отвечал ему тем же.

Сян Июэ был немного медлительным, не слишком сообразительным. Он удерживал свою должность в основном благодаря своей храбрости, наследственным связям и своему честному лицу, которое выглядело как «очень преданное, неспособное на подлости».

Когда Фан Ю был рядом с Сян Июэ, он мог быть его мозгом, подсказывать ему. Теперь же, уходя, он не мог не беспокоиться.

Он отправился к Сян Июэ ночью.

Сян Июэ сегодня не был на службе и спал дома, укрывшись с головой одеялом. Фан Ю не пошёл через главный вход, а, словно вор, перелез через стену и, войдя в спальню Сян Июэ, вытащил его из-под одеяла, подробно рассказав о событиях вечера.

Сян Июэ хмурился:

— Из-за этой демонической наложницы ты готов пожертвовать своей блестящей карьерой?

Фан Ю:

— Хватит, я только что говорил, что Чжилань называла её демонической наложницей, и что с ней случилось?

Сян Июэ:

— Император ради неё убил человека, разве это не демоническая наложница?!

Фан Ю:

— ...Если бы все демонические наложницы были такими глупыми, как наложница Юнь, то в истории было бы вдвое меньше глупых императоров.

Сян Июэ:

— Что ты имеешь в виду?

Фан Ю:

— ...Если не понимаешь, то не забивай голову. Я пришёл не для этого. Ты запомнил всё, что я тебе сказал?

Сян Июэ запомнил, но сейчас не ответил, помолчал некоторое время, а затем сказал:

— Ты действительно должен уйти?

Фан Ю тоже почувствовал грусть:

— Должен.

Фан Ю:

— ...Ладно, брат, я уйду. Береги себя. Я знаю, что у тебя с головой не очень, поэтому, если что-то случится, спрашивай у императора. Хотя я до сих пор не понимаю, зачем ему следовать, но раз уж ты решил, то я верю тебе. К счастью, император, кажется, не слишком жесток к преданным людям. В общем, если не понимаешь, спрашивай, не пытайся угадать мысли императора, ты всё равно не сможешь.

Сян Июэ откинул одеяло и начал вставать:

— ...Я провожу тебя.

Фан Ю остановил его:

— Не нужно, у тебя сегодня и так много дел, сделай всё ночью. Завтра утром, вероятно, придут люди от Великой вдовствующей императрицы, и ты должен будешь прийти с «моей» головой, чтобы просить прощения.

Сян Июэ:

— ...

Фан Ю:

— Береги себя.

Сян Июэ:

— ...Если устроишься, напиши мне, не подписывайся, я пойму, что это ты.

[Примечание: Лекарство, которым Великая вдовствующая императрица контролировала императора Цзин Шо, обладало свойством вызывать сильную зависимость. Его отмена приводила к мучительной ломке, что было одним из основных рычагов давления на него.]